

МЕЖДУ ФАНФИКШН И АВТОФИКШН: ЖАНРОВАЯ ИГРА В РОМАНЕ Ф.-А. ДЕЗЕРАБЛЯ «НЕКИЙ ГОСПОДИН ПЕКЕЛЬНЫЙ»

Инга Валерьевна Сулова

к. филол.н., доцент кафедры зарубежной филологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г.Пермь, ул.Букирева, 15

inga_sus@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Статья поступила в редакцию: 24.06.2026

В статье анализируются особенности жанрового эксперимента в романе современного французского писателя Франсуа-Анри Дезерабля «Некий господин Пекельный» (2017). Делается вывод о том, что произведение строится на взаимодействии жанровых трёх основных начал – автобиографии, автофикшн и фанфикшн. Отмечается, что автобиографический дискурс реализуется в процессе размышлений об автофикциональном романе Ромена Гари «Обещание на рассвете» (1960) и фикрайтерском развитии возможной истории эпизодического персонажа этого романа, таким образом, балансируя между двумя жанровыми моделями, основанными на вымысле, герой-повествователь в романе Ф.-А. Дезерабля открывает свою собственную писательскую идентичность.

Ключевые слова: Франсуа-Анри Дезерабль, Ромен Гари, роман, автофикшн, фанфикшн.

Франсуа-Анри Дезерабль (François-Henri Désérable, род. 1987) – современный французский писатель, лауреат престижной Большой премии Французской академии (2021). На сегодняшний день он автор сборника рассказов о Великой французской революции («Покажи мою голову народу» / *Tu montreras ta tête au peuple*, 2013) и трёх романов («Эварист» / *Évariste*, 2013; «Некий господин Пекельный» / *Un Certain M. Piekielny*, 2017; «Властитель мой и господин» / *Mon maître et mon vainqueur*, 2021). В своём творчестве Дезерабль обращается к различным жанровым моделям – историческому роману, роману-биографии, автофикшн, детективу и др., он иронически обыгрывает и переосмысляет их, следуя очевидной постмодернистской тенденции к жанровой

игре и гибридизации. В каждом случае писатель развивает систему интертекстуальных отсылок наиболее релевантных для задействованных в игре жанровых начал.

Произведения Ф.-А. Дезерабля имеют большой успех у читателя, но ещё не стали предметом активного научного интереса. Наше небольшое исследование сосредоточено на анализе романа «Некий господин Пекельный», мы предполагаем определить стратегии жанровой игры в произведении и установить их содержательное значение.

Повествование в романе идёт от лица автобиографического героя – Франсуа-Анри Дезерабля, сюжет формируется на основе личных воспоминаний, комментируются некоторые факты из истории семьи писателя, поднимаются проблемы времени, памяти и т.д. Однако особенность этого случая заключается в том, что личный, автобиографический дискурс выстраивается в контексте размышлений об автофикциональном романе Ромена Гари «Обещание на рассвете» (*La promesse de l'aube*, 1960) и попыток реконструкции возможной истории эпизодического персонажа этого романа. Таким образом, герой-повествователь Дезерабля обозначает явную интенцию к самопознанию, но реализует её посредством познания другого лица, точнее – персонажа чужого романа.

Познание Другого как важный фактор познания Себя – один из центральных вопросов философии и психологии. Проблема взаимодействия «я» и «другого» лежит в основе диалогической концепции М. М. Бахтина: «<...> различие в переживании себя и в переживании другого преодолевается познанием, или, точнее, познание игнорирует это различие, как оно игнорирует и единственность познающего субъекта <...>» [Бахтин 1979: 63]. Эти идеи оказали существенное влияние и на теорию автофикшна Сержа Дубровского, который в предисловии к своей экспериментальной автобиографии «Сын» (*Fils*, 1977) заметил: «Как знать себя, если самопознавание проходит через познавание другим? Как в этом случае автобиографическому Я дать отчет о себе? <...> только познав собственное бессознательное — рассмотрев его отражение в зеркале “другого”<...>» (Цит. по: [Левина-Паркер 2010: 14]). Румынская исследовательница Д. Барон, комментируя роман Ф.-А. Дезерабля «Некий господин Пекельный», отмечает диалогическую направленность произведения, реализуемую в системе интертекстуальных отсылок, пересечении различных дискурсов, в постоянном стремлении автора соотносить «собственное существование с жизнями других людей (реальных или воображаемых)» [Baron 2019].

Роман «Некий господин Пекельный» состоит из трёх частей, первая выполняет функции экспозиции и завязки. Завязкой сюжета является

случай: герой-повествователь волею судьбы оказался в Вильнюсе. Вечером, в полном одиночестве, заблудившись в незнакомом городе, не зная литовского, он вдруг увидел мемориальную табличку на французском языке: «французский писатель и дипломат Ромен Гари <...> жил в этом доме, который он описал в своем романе “Обещание на рассвете”» [Дезерабль 2019: 18]. Эта «встреча» производит ошеломительный эффект, подобный тому, который описывает М. Пруст в эпизоде с пирожным Мадлен: «Забыв про дождь, я застыл, ошарашенный, и громко проговорил: “В Вильно, на улице Большая Погулянка, в доме шестнадцать, жил некий господин Пекельный”» [там же]. Ниже повествователь признает, что «фраза выскочила не просто так»: когда-то она была прочитана, «впиталась в мозг и оставалась в спящем состоянии» [там же]. Фраза мгновенно пробуждает воспоминания о другом *случае* десятилетней давности о сдаче выпускного экзамена по французскому языку в лицее «Провиданс»: «в тот год я особенно прилежно бездельничал <...> Из двух десятков книг, предписанных школьной программой, прочёл только одну» [там же: 21]. Этой книгой стало «Обещание на рассвете» Романа Гари. И «случилось чудо»: экзаменатор задала вопрос именно по «Обещанию...», точнее, по VII главе романа, «где говорится о некоем господине Пекельном» [там же]. Герой признаёт, что и по прошествии лет не забыл VII главы и «имя “Пекельный”, конечно, тоже» [там же: 27]. Содержательное значение этого эпизода в романе Гари во многом связано с мотивами философии творчества, а именно возможностями литературы противостоять забвению, дарить бессмертие. Автобиографический герой в романе Р. Гари вспоминает о трагикомических обстоятельствах раскрытия его «будущего величия», сделанного любящей матерью на улице Большая Погулянка, в доме 16 («блажь еврейской мамы»): «Звоня и стуча в каждую дверь, она просила соседей выйти на лестничную площадку <...> Мой сын станет французским посланником, кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, Ибсеном, Габриеле Д'Аннунцио!» [Гари: URL]. Оказывается, это заявление «вызвало смех не у всех присутствовавших» [там же]. Скромный сосед, «некий г-н Пекельный», похожий на «грустную, педантически чистую и озабоченную мышь» [там же], отнесся к нему серьезно и вскоре заручился обещанием мальчика: «Может, ты и вправду станешь известным. И далее будешь писать книги или в газетах... <...> Когда ты будешь встречаться с влиятельными и выдающимися людьми, пообещай, что скажешь им... <...> Обещай, что скажешь им: в Вильно, на улице Большая Погулянка, в доме шестнадцать, жил господин Пекельный...» [там же]. Ромен Гари иронизирует над своим персонажем: маленький человек рачительно воспользовался пусть и призрачным, но

шансом на бессмертие, «в тихой мышиной груди таились амбиции» [там же]. Писатель посвятил этому персонажу менее трёх страниц – отдельные штрихи к портрету, и высказал уверенность в том, что: «добрейшая виленская мышь давно закончила свою жизнь в кремационных печах нацистов, как и многие миллионы других евреев Европы» [там же]. Однако он считает долгом продолжать «выполнять свое обещание при встречах с великими мира сего» [там же].

Герой-повествователь в романе Ф.-А. Дезерабля в игре случаев «усмотрел закономерность», которую необходимо «расследовать» («je devais mener l'enquête, je n'avais plus le choix» [Désérable: URL]), воплотить в конкретный сюжет: «Кто он такой, этот грустный человечек-мышка? Как он жил? Что с ним стало? <...> Я пришел к решению взяться за поиски господина Пекельного» [Дезерабль 2019: 31]. Роман посвящён «Печальным мышкам» [там же: 5] («Aux souris tristes» [Désérable: URL]).

Вторая часть романа представляет собой собственно «расследование» («l'enquête»), реконструкцию возможной истории этого персонажа. Третья – содержит неожиданную развязку и эпилог. По мнению Дезерабля, то небольшое, что Гари сказал о господине Пекельном, «вовсе не обязательно правда, потому что – в “Обещании” каждое слово сомнительно. Но если палеонтологи способны восстановить динозавра, имея всего только плечевую кость и два ребра, так почему я не могу сделать то же самое с маленькой мышкой?» [там же: 37]. Установки «совсем немного» («pas grand-chose») и «не обязательно правда» («n'était peut-être pas vrai») определяют ситуации компенсации, необходимости проверки фактов и т. д. Ромен Гари вдруг начинает восприниматься как недобросовестный биограф этого персонажа. Таким образом, будучи увлечённым читателем Р. Гари, герой-повествователь Ф.-А. Дезерабля тем не менее вступает с ним в противостояние, подобная ситуация характерна для фанфикшн. По мнению исследователей жанра, «следуя за автором текста-источника, фикрайтер непременно соперничает с последним, создавая собственные художественные миры в индивидуальной жанрово-стилистической манере <...> Прорастание сквозь толщу гипертекста, преодоление авторитета эталонного текста направляет фанфикшн по собственной траектории» [Московкина 2018: 458].

Поиски неуловимого господина Пекельного в романе-расследовании Ф.-А. Дезерабля идут по трём основным направлениям:

- вильнюсские архивы, домовые книги, опрос возможных свидетелей существования этого человека, изучение истории вильнюсских евреев;

- всё, связанное с Роменом Гари: произведения, круг литературных интересов, исследовательская литература по проблемам его творчества, письма, мемуары и другие свидетельства современников;

- собственное воображение; этот источник, как и стоило ожидать, окажется самым информативным.

Хотя герой-повествователь Дезерабль и сомневается в необходимости своего романа-расследования, он не может сопротивляться этой идее, потому как признаёт, что его «мозг одержим человеком-мышкой из Вильно» («obnubilé par la gentille souris de Wilno» [Désérable: URL]) и более того, он, против воли, «приплетает к этому сюжету всё подряд» [там же: 215].

Ф.-А. Дезерабль, отталкиваясь от того немногого, что сообщил Р. Гари, и на основе имеющихся представлений об историческом контексте, повседневной культуре 20-40-х г. XX века, создаёт свою версию нескольких десятилетий жизни скромного еврея из Вильно. В его биографии личность господина Пекельного получает масштаб, объём, перспективу, историко-культурную идентичность и даже музыкальную тему («мелодия тишины» [там же: 60]). Он становится главным и заглавным героем романа. Образ Пекельного у Гари это только силуэт, как было указано выше, создан посредством нескольких штрихов, но каждому такому штриху в романе Дезерабль даёт развитие, иногда лирическое, иногда ироническое, иногда трагическое. Добраивание персонажа начинается с портрета, а далее в соответствии с логикой создания образа героя в литературном произведении: внутренний мир, манера поведения и манера речи, образ жизни, профессия, имя и т.д. Так, например, Ф.-А. Дезерабль наделяет господина Пекельного страстью к скрипке, но предполагает, что музицировал он чаще всего ночью и поэтому делал это, боясь побеспокоить соседей, «молча», «блаженно выводил мелодию тишины, водя смычком по полированному дереву – играл понарошку, зато глядел на настоящие звёзды» [там же: 59–60]. Инструмент, представляет писатель, был старый и неказистый, часто нуждался в ремонте, и однажды его владелец даже «самолично выточил отличный завиток, правда, похожий не на морского конька, а на усы пышной дугой, с подкрученными кончиками, “как у Пруста”, – мог бы сказать Пекельный, знай он, кто такой Пруст, но в его время Пруст еще не стал кумиром и был известен только горстке графинь да салонных хлыщей с дворянскими приставками и шапокляками, они-то и станут опорами его собора времени» [там же: 59]. Так исподволь «под сенью» традиции Пруста, с его опытом обретения утраченного времени, оказываются Ф.-А. Дезерабль, Р. Гари и их персонаж – господин Пекельный.

Свой опыт дописывания истории «некоего господина Пекельного», поиска реальных свидетельств его существования Ф.-А. Дезерабль сопоставляет с опытом Патрика Модiano, который в романе «Дора Брюдер» (*Dora Bruder*, 1997) рассказывает о том, как на протяжении многих лет пытался расследовать историю жизни и гибели во время немецкой оккупации еврейской девочки-подростка и её семьи. Так образ господина Пекельного встраивается в контекст еврейской темы в целом и тему холокоста.

В ходе «палеонтологической реконструкции» персонажа, в романе параллельно развиваются истории двух писательских судеб – Ромена Гари и Франсуа-Анри Дезерабля. Дезерабль, изучая жизнь и творчество Гари, разоблачает его постоянное стремление «к самовымыслу». Он констатирует, что с Гари сложно иметь дело, так как он «всю жизнь морочил людям головы», «чародействовал и приукрашивал жизнь» [там же: 137]. В конце концов начинающий писатель задаётся вопросом: «Так где гарантия, что и про господина Пекельного он не наврал?» [там же: 137].

И вот третьей части романа, изучая вслед за Роменом Гари творчество Гоголя, Дезерабль делает невероятное открытие: в комедии «Ревизор» нелепый городской помещик Бобчинский, давая взятку Хлестакову, просит того «передать в Петербурге всем вельможам, сенаторам, адмиралам и даже государю, что в таком-то городе живёт Пётр Иванович Бобчинский» [там же: 224]. Романист-расследователь потрясён: выходит «Пекельный был побочным сыном гоголевского Бобчинского <...> Гари прочитал “Ревизора” <...> он захотел когда-нибудь пересказать по-своему историю человека, просящего шепнуть его имя на ухо великим мира сего» [там же: 225]. Дезерабль «искал следы вымышленного персонажа», «господин Пекельный с его рахат-лукумом, порыжевшей от табака бородкой и с его трогательной просьбой существовал только в воображении Гари? Где кончается правда? И где начинается ложь?» [там же: 225, 236]. Но, пройдя сложный исследовательский путь и практически создав свой собственный роман о Пекельном (то есть став писателем), повествователь приходит к неожиданному заключению: «Мне в общем-то и не важно было знать, жил ли он на самом деле <...> если Пекельный состоит из чернил и бумаги, это означает несомненный, ослепительный триумф литературы, замешанной на вымысле» [там же: 252]. Если он жил реально, то его «ни нацисты, ни время не смогли окончательно уничтожить, потому что нашёлся писатель, спасший его от забвения» [там же: 254]. Начинающий романист наконец признаёт, что грань между вымыслом и реальностью в действительности очень тонка.

Итогом становится определение им своей творческой философии, во многом созвучной с прустовской: искусство способно противостоять трагичности человеческого удела, искусство возвращает утраченное время, «искусство – это и есть то, что реальнее всего на свете», «истинная жизнь, наконец-то найденная и прояснённая, то есть единственная жизнь, прожитая в полной мере, – это литература» [Пруст 2000: 191, 198, 215]. В эпилоге герой-повествователь постулирует: «Писатель всемогущ. Он пишет и думает только об этом. Писать. Завоевывать мир силой букв и подчинять его своему закону» [Дезерабль 2019: 254].

Таким образом, в размышлениях об автофикциональных основах творчества Р. Гари и фанфикциональном опыте развития концепции его персонажа герой-повествователь в романе Ф.-А. Дезерабля парадоксальным образом обретает свою писательскую идентичность.

Список литературы

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // М.М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

Гари Р. Обещание на рассвете / пер. с фр. Е. Погожевой // URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Gary_Obeshanie_na_rassvete.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

Дезерабль Ф.-А. Некий господин Пекельный / пер. с фр. Н. Мавлевич. М.: АСТ: Corpus, 2019. 256 с.

Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. 2010. №3. С. 12–40.

Московкина Е.А. Фанфикшн как феномен читательской культуры: между автором и читателем // Мир науки, культуры, образования. №5 (72). 2018. С. 458–459.

Пруст М. Обрётённое время / пер. с фр. А. Смирновой. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000. 384 с.

Baron D. Un certain M. Piekieny ou le pouvoir de la litterature // URL: <https://revistatransilvania.ro/wp-content/uploads/2019/01/10.-Dumitru-Baron.pdf> (дата обращения: 20.03.2026)

Désérable F.-H. Un certain M. Piekieny // URL: <https://fb2.top/api/download/583896> (дата обращения: 20.04.2026)

**BETWEEN FANFICTION AND AUTOFICTION:
GENRE PLAY IN F.-A. DÉSÉRABLE'S NOVEL
*A CERTAIN M. PEKELNY***

Inga V. Suslova

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Philology
Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

inga_sus@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2834-6842>

Submitted 24.06.2026

This article analyzes the genre experimentation in François-Henri Désérable's novel «A Certain M. Pekelny» (2017). It concludes that the work is built on the interplay of three main genre principles: autobiography, autofiction, and fanfiction. It is noted that the autobiographical discourse is realized through reflections on Romain Gary's autofictional novel «Promise at Dawn» (1960) and the writer's development of a possible story for an episodic character in that novel, thus, balancing between two genre models based on fiction, the hero-narrator in F.-A. Désérable's novel discovers his own identity as a writer.

Key words: François-Henri Désérable, Romain Gary, novel, autofiction, fanfiction.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Суслова И. В. Между фанфикшн и автофикшн: жанровая игра в романе Ф.-А. Дезерабля «Некий господин Пекельный» // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 39–46. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-39-46. EDN JSBULK

Please cite this article in English as:

Suslova I. V. Mezhdru fanfikshn i avtofikshn: zhanrovaya igra v romane F.-A. Dezerablya «Nekij gospodin Pekel'nyj» [Between Fanfiction and Autofiction: Genre Play in F.-A. Désérable's Novel *A Certain M. Pekelny*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 39–46. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-39-46. EDN JSBULK